

СЕЙЧАС

ВЕЧЕР СВАДЬБЫ

Крик застывает в воздухе, даже после того как стихает, — словно звон разбитого стекла. Гости замерли, сраженные его силой. Они выглядывают из шатра в ревущую темноту, откуда раздавался звук. Свет мигает, угрожая очередной темнотой.

Затем в шатер вваливается девушка. Белая рубашка выдает в ней официантку. Но ее лицо исказила звериная гримаса — огромные темные глаза, спутанные волосы. Она стоит перед гостями и пристально на них смотрит. Кажется, она даже не моргает.

Наконец к ней подходит женщина — это не гостя. Свадебный распорядитель.

— Что такое? — мягко спрашивает она. — Что случилось?

Девушка не отвечает. Гостям кажется, что они могут слышать только ее дыхание. Оно тоже походит на животное: слишком отрывистое и хриплое.

Организатор свадьбы шагает к девушке и осторожно кладет руку ей на плечо. Она не реагирует. Гости застыли как вкопанные. Некоторые из них смутно припоминают эту официантку. Одна из многих, кто с улыбкой подавал им закуски, основные

блюда и десерты. Убирала тарелки и наполняла бокалы, мастерски наливая вино, ее рыжий хвостик подпрыгивал при каждом шаге, а рубашка была белой, чистой и хрустящей. Некоторые вспоминают ее нежный певучий акцент: может, вам что-нибудь налить, а вам что-нибудь принести? В остальном же она была, за неимением лучшего выражения скажем, частью интерьера. Частью хорошо смазанного механизма. Намного менее интересная, чем шикарные виды острова или колеблющееся пламя свеч на серебряных подсвечниках.

— Что случилось? — повторяет свадебный распорядитель. Ее тон все еще сочувственный, но на этот раз в нем проскальзывает больше напора, какая-то властная нотка. Официантка дрожит так сильно, что это похоже на припадок. Организатор свадьбы снова кладет руку ей на плечо, как бы успокаивая. Девушка прижимает руку ко рту, и на мгновение кажется, что ее сейчас вырвет. Затем наконец она говорит.

— Снаружи, — хрипит она, звук ее голоса даже не похож на человеческий.

Гости внимательно прислушиваются.

Девушка издает стон.

— Ну же, — тихо и спокойно просит ее свадебный распорядитель. На этот раз женщина слегка трясет девушку. — Говори. Я здесь и хочу помочь, как и все мы. Все хорошо, тебя никто не тронет. Расскажи, что случилось.

В конце концов девушка продолжает тем же ужасным хриплым голосом:

— Снаружи. *Так много крови.* — А потом, прямо перед тем, как упасть в обморок, добавляет: — И тело.

ЗА ДЕНЬ ДО ЭТОГО

ХАННА

ПЛЮС ОДИН

Я прижимаю к губам салфетку, чтобы убрать излишки помады. Хотя в этом замке она кажется уместной. Наша спальня просто огромная — в два раза больше той, что у нас дома. Ни одна деталь не кажется лишней: ведерко со льдом, в нем — бутылка дорогого белого вина; два бокала; старинная люстра под высоким потолком; большое окно, выходящее на море. Я не могу подойти к нему слишком близко, иначе голова закружится, внизу видны разбивающиеся о скалы волны и крошечный кусочек пляжа.

В этот вечер отблеск умирающего заката озаряет всю комнату розовым золотом. Я выпила большой бокал изысканного вина, пока готовилась к ужину. На пустой желудок и после выкуренной с Оливией сигареты я чувствую легкое головокружение.

Было весело покурить в пещере, этакий привет из прошлого. Он и вдохновил меня оторваться в эти выходные. Весь месяц я была дерганной, грустила, а теперь появился шанс немного расслабиться. Поэтому я втиснулась в дорогое черное шелковое платье, которое носила еще до родов, — я всегда чувствовала себя в нем уверенно. Аккуратно уложила воло-

сы феном. Стоит хотя бы попытаться, даже учитывая тот факт, что от влажности на острове они снова превратятся в огромный спутанный клубок. Я думала, что Чарли уже давно сердитый ждет меня в комнате, но он и сам вернулся сюда только пару минут назад, так что я успела почистить зубы, чтобы скрыть запах сигарет, ощущая себя при этом непослушным подростком. Хотя какая-то часть меня надеялась, что он будет здесь. Мы могли бы вместе залезть в ванну с вычурными ножками.

На самом деле, я почти не видела Чарли с тех пор, как мы сошли с лодки: они с Джулс уютно расположились на диванчике и обсуждали его обязанности ведущего.

— Извини, Ханна, — сказал он, вернувшись. — Джулс хотела обсудить планы на завтра. Надеюсь, тебе не было одиноко?

Когда я выхожу из ванной, он обводит меня оценивающим взглядом.

— Ты такая... — он вскидывает брови, — *сексуальная*.

— Спасибо, — отвечаю я, слегка покачиваясь. Я и *чувствую* себя такой; пожалуй, я уже давно так не наряжалась. И да, сама виновата в том, что не могу вспомнить, когда он в последний раз так обо мне говорил.

Мы присоединяемся к остальным в гостиной и немного выпиваем. Обставлена она так же, как и наша комната: старинный каменный пол, канделябры, стеклянный декор на стенах с огромными блестящими рыбами, я ловлю себя на мысли, что, пожалуй, они настоящие. Таксидермисты вообще занимаются рыбой? За маленькими окнами виднеются прямоуголь-

ники голубых сумерек, и снаружи теперь все кажется туманным и даже потусторонним.

Стоя в окружении группы гостей, Джулс и Уилл мягко освещены свечами. Похоже, Уилл рассказывает анекдот: остальные ловят каждое его слово. Я снова замечаю, что они с Джулс держатся за руки, как будто не могут жить без физического контакта. Они так хорошо смотрятся вместе, невероятно высокие и элегантные — она в сшитом на заказ кремовом комбинезоне, а он в темных брюках и белой рубашке, отчего его загар кажется на несколько тонов темнее. Я чувствовала себя такой уверенной, но теперь мой наряд кажется какой-то пародией: уверена, что хоть для меня это и роскошное платье, Джулс вряд ли отважится в нем выйти даже в магазин.

В конце концов я оказываюсь совсем рядом с Уиллом, что не так уж и случайно; меня к нему так и тянет. Такое пьянящее чувство — быть так близко к кому-то, кого вы видели на экране телевизора. Знакомое и в то же время странное ощущение. Я чувствую, как от этой близости покалывает кожу. Когда я подошла, то заметила, как его взгляд быстро прошелся по моим лицу и фигуре, прежде чем он закончил свой анекдот. Очевидно, я *правда* хорошо выгляжу. Меня пробирает постыдная радость. За все те годы после родов — наверное, потому что дети всегда со мной — я превратилась для мужчин в невидимку. Только когда они прекратились, я поняла, что все это время принимала взгляды мужчин как должное. И они мне льстили.

— Ханна, — говорит Уилл, поворачиваясь ко мне со своей знаменитой добродушной улыбкой, — ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо. — Я делаю большой глоток шампанского, чувствуя себя сексуальной и немного взбалмошной.

— Все хотел спросить на причале, а мы встретились на вечеринке в честь помолвки?

— Нет, — неловко отвечаю я. — К сожалению, мы не могли приехать из Брайтона.

— Тогда, может, я видел тебя на фотографиях Джулс. Такое ощущение, что мы знакомы.

— Может быть, — соглашаюсь я. Но это вряд ли. Не думаю, чтобы Джулс выставила хоть какое-то фото со мной — у нее достаточно снимков, где они только вдвоем с Чарли. Но я знаю, что задумал Уилл: он хочет, чтобы я чувствовала себя спокойнее, своей. Это очень мило.

— Знаешь, — протягиваю я, — у меня такое же чувство. А я могла *тебя* где-то видеть? Ну, может быть... по телевизору?

Как банально, но Уилл все равно смеется, причем так громко и раскатисто, что мне сразу кажется, будто я только что выиграла приз.

— Пойман с поличным! — говорит он, поднимая руки. Из-за этого я снова чувствую его одеколон: мох и кедр — смесь леса и дорогого парфюмерного магазина. Он расспрашивает меня о детях и о Брайтоне. И кажется очень заинтересованным в моем ответе. Уилл — один из тех людей, которые заставляют вас чувствовать себя остроумнее и привлекательнее, чем оно есть на самом деле. Я ловлю себя на мысли, что мне нравится и обстановка, и восхитительное прохладное шампанское.

— А теперь, — говорит Уилл и мягко кладет руку мне на спину, его тепло ощущается даже через ткань

платья, — позволь представить тебе некоторых гостей. Это Джорджина.

Джорджина, стройная и сногшибательная, одетая в шелк цвета фуксии, одаривает меня ледяной улыбкой. Она практически не может шевелить лицом, и я изо всех сил стараюсь не пялиться — мне кажется, что до этого я и не видела ботокс на чьем-то лице.

— Ты была на девичнике? — спрашивает она. — Что-то я не могу вспомнить.

— Мне пришлось его пропустить, — отвечаю я. — Сама понимаешь, дети...

Это правда только отчасти. Есть еще тот факт, что девичник проводился на йога-курорте Ибицы, а такую поездку я себе ни за что не могу позволить.

— Да ты ничего не пропустила, — вмешивается в разговор стройный мужчина с темно-рыжими волосами. — Просто сборище стерв, загорающих с сиськами наружу и сплетничающих за бутылками дорожного вина. Боже, — добавляет он, окидывая меня взглядом, прежде чем наклониться и поцеловать в щеку, — а ты *умеешь* ухаживать за кожей.

— Э-э-э... спасибо, — судя по улыбке, он планировал сказать что-то приятное, но я все равно не уверена, что это был комплимент.

Очевидно, это Дункан, и он женат на Джорджине. Один из лучших друзей жениха, как и еще трое мужчин. Питер — зачесанные назад волосы, как у заядлого тусовщика. Олувафем, или просто Феми — высокий, темнокожий и безумно красивый. Ангус — похожий на Бориса Джонсона как цветом волос, так и пузом. Но, как ни странно, все они очень похожи. На них одинаковые полосатые галстуки и хрустящие белые рубашки, отполированные туфли и дорожные

пиджаки, которые куплены явно не в *Next*, как у Чарли. Мы специально покупали костюм для этих выходящих, и я надеюсь, что Чарли не сравнивает себя с остальными. По крайней мере, он точно выглядит богато рядом с шафером, Джонно, который, несмотря на свои габариты, почему-то напоминает мне ребенка в одежде с чужого плеча.

На первый взгляд все мужчины кажутся такими очаровательными. Но я помню их смех с башни, когда мы шли к «Капризу». И даже сейчас под этим очарованием явно что-то зреет. Ухмылки, поднятые брови, как будто они тайно шутят на чей-то счет — скорее всего, на мой.

Я иду дальше, чтобы поболтать с Оливией, которая в своем сером платье выглядит какой-то неземной. В пещере мне показалось, что мы немного сблизились, но сейчас она отвечает мне односложно и постоянно отводит взгляд.

Пару раз мы с Уиллом встречаемся взглядом. Мне даже кажется, что он уже давно на меня смотрит. Это неправильно, но все равно волнующе. Я знаю, что говорить так совершенно неуместно, но больше всего это напоминает то едва заметное подозрение, что обожаемый тобой человек тоже к тебе что-то испытывает.

Я резко себя осекаю. Вернись с небес на землю, Ханна. Ты мать двоих детей, замужем, и твой муж стоит прямо напротив, а ты разговариваешь с мужчиной, который вот-вот женится на лучшей подружке твоего мужа, ну и что, если он похож на мужской вариант Моники Белуччи. *Возможно*, тебе не стоит налегать на шампанское. Я уже сбилась со счета, какой бокал пью. Отчасти все дело в нервах из-за та-

кой компании. Но также в чувстве свободы. Потом мне не придется позориться ни перед какой няней, а завтра с утра не надо никого будить. Есть что-то чарующее в том, что сейчас я в компании взрослых, у нас огромный запас алкоголя и никакой ответственности.

— Еда так вкусно пахнет, — говорю я. — Кто готовит?

— Ифа и Фредди, — отвечает Джулс. — Они владельцы «Каприза». А еще Ифа — организатор нашей свадьбы. Я ее представляю за ужином. А Фредди будет готовить и завтра.

— Очевидно, это будет восхитительно, — радуюсь я. — Боже, я такая голодная.

— Неудивительно, у тебя же пустой желудок, — говорит Чарли. — Ты все оставила за бортом.

— Тебя стошнило? — радостно интересуется Дункан. — Покормила рыбок?

Я бросаю на Чарли злобный взгляд. Кажется, он только что испортил все впечатление, которое мне удалось о себе создать за вечер. Думаю, он хотел так пошутить, почувствовать себя частью компании. Клянусь, у него даже голос другой — явно выделяется. Но я знаю, что если скажу об этом, он лишь притворится, что не понимает, о чем я.

— В любом случае, — с напором продолжаю я, — будет приятно съесть что-то другое, кроме куриных наггетсов. Дети их так обожают, что мне приходится готовить их через день.

— А в Брайтоне сейчас есть какие-то хорошие рестораны? — спрашивает Джулс. Она всегда говорит так, будто Брайтон — это какая-то глушь.

— Да, — отвечаю я, — у нас есть...

— Только мы в них не ходим, — перебивает Чарли.
— Неправда. Мы ходили в тот новый итальянский ресторанчик...

— Он уже не новый, — парирует Чарли. — Это было где-то год назад.

Он прав. Я не могу вспомнить, когда мы в последний раз ужинали в ресторане. Последнее время у нас с деньгами немного туго, я уж молчу про стоимость няни. Но лучше бы он этого не говорил.

Джонно пытается налить Чарли еще шампанского, но он быстро кладет ладонь поверх бокала.

— Нет, спасибо.

— Да ладно тебе, — негодует Джонно. — Завтра же свадьба. Можно расслабиться.

— Да, давай! — подхватывает Дункан. — Это всего лишь газировка, а не крэк. Или ты нам сейчас заявишь, что беременный?

К его смеху присоединяются все друзья.

— Нет, — напряженно отвечает Чарли. — Но я не хочу сегодня много пить.

Очевидно, ему очень некомфортно это говорить, но я рада, что он не забьлся.

— Ну что, малыш Чарли, — говорит Джонно, — рассказывай, как вы познакомились?

Сначала я думаю, что он спрашивает про нас с Чарли. Но потом я замечаю, что Джонно поглядывает на Джулс. Ну разумеется.

— Тысячу лет назад... — начинает Джулс. Они с Чарли вскидывают брови и смотрят друг на друга, как по команде.

— Я научил ее ходить под парусом, — продолжает Чарли. — Я тогда жил в Корнуолле, и это была моя подработка на лето.

— А у моего папы там дом, — вставляет Джулс. — Я надеялась, что если научусь парусному спорту, то он возьмет меня с собой на лодку. Но потом оказалось, что лучше пригласить свою последнюю подружку позагорать на носу корабля в Сен-Тропе, чем ходить под парусом вдоль южного побережья с шестнадцатилетней дочерью.

Мне кажется, она звучит не так отстраненно, как ей бы хотелось.

— Но это неважно, — продолжает Джулс и переводит взгляд на моего мужа. — Чарли был моим инструктором. И я была *по уши* в него влюблена.

Чарли улыбается ей в ответ. Я смеюсь вместе со всеми, но мне вовсе не смешно. Я слышу эту историю далеко не в первый раз. Они как будто разыгрывают постановку. Местный парнишка и девочка из богатый семьи. И все же мой желудок сводит, когда Джулс рассказывает дальше.

— А *ты* старался переспать со всеми своими сверстницами, пока не поступил в университет, — обращается Джулс к Чарли. И внезапно мне кажется, что она разговаривает только с ним. — Но, похоже, у тебя получилось. Загар и мышцы лишними уж точно не были...

— Да, — поддакивает Чарли. — Лучшая форма за всю мою жизнь. Такая работа — все равно что каждый день ходить в спортзал. К сожалению, за географией с пятнадцатилетними подростками такого пресса не накачаешь.

— Давайте-ка взглянем, что случилось с этими кубиками, — говорит Дункан, подходя ближе и хватаясь за низ рубашки Чарли. Он понимает края и открывает на всеобщее обозрение пару сантиметров бледного,

мягкого животика. Чарли сразу краснеет и делает шаг назад, заправляя рубашку обратно в брюки.

— И он казался таким взрослым, — продолжает Джулс, как будто ее и не прерывали. Она заговорщицки кладет руку Чарли на плечо. — Когда тебе шестнадцать, то восемнадцать звучит так важно. Я ужасно стеснялась.

— С трудом верится, — бормочет Джонно.

Джулс не обращает на него внимания.

— Но я сразу поняла, что ты принял меня за надменную принцессу.

— А ты такой и была, — парирует Чарли, вздергивая бровь и вновь чувствуя себя в своей тарелке.

Джулс немного обрызгивает его шампанским из бокала.

— Нахал!

Они *флиртуют*. По-другому это и не назвать.

— Но нет, потом я понял, что ты крутая, — говорит он. — Когда обнаружил твое классное чувство юмора.

— А потом мы просто продолжили общаться, — подытоживает Джулс.

— Да, тогда телефоны уже вошли в моду, — вспоминает Чарли.

— А в следующем году стеснялся уже *ты*, — смеется Джулс. — У меня тогда выросла грудь. Я помню, как у тебя глаза на лоб вылезли, когда я спустилась с причала.

Я делаю большой глоток шампанского и напоминаю себе, что они тогда были подростками. Что я ревную к семнадцатилетней девушке, которой больше не существует.

— Да, у тебя был парень и все такое, — улыбается Чарли. — Я ему не особо нравился.

— Точно, — соглашается Джулс, заговорщицки ухмыляясь. — Он недолго продержался, потому что постоянно ревновал.

— Так вы трахались? — спросил Джонно. И так просто эти слова уже нельзя было забрать обратно. Я так никогда и не отважилась задать этот вопрос.

Друзья жениха ликуют.

— Да, точно! — кричат они. — Вот же черт, отличный вопрос!

Они толпятся, возбужденно перекикиваясь, становится все теснее. Может быть, именно поэтому мне вдруг стало трудно дышать.

— Джонно! — возмущается Джулс. — А нельзя по-вежливее? Это моя *свадьба*!

Но она не сказала «нет».

Я не могу даже взглянуть на Чарли. Я не хочу знать.

А потом, слава богу, нас прервали: громкий хлопок. Дункан открыл новую бутылку шампанского.

— Господи, Дункан, — жалуется Феми. — Ты мне чуть глаз не выбил!

— А вы как познакомились, ребята? — спрашиваю я Джонно, чтобы сменить тему.

— Ааа, — протягивает Джонно. — Это было так давно.

Он кладет руку на плечо Уилла, и этот жест почему-то выделяет его среди остальных. Рядом с Джонно Уилл кажется еще красивее. Они смотрятся, как обычная стекляшка и бриллиант. И с глазами Джонно что-то не так. Я какое-то время смотрю на него и пытаюсь понять, в чем дело: то ли они слишком близко посажены, то ли слишком маленькие?

— Ага, — соглашается Уилл. — Мы вместе ходили в школу.

Я удивлена. В остальных парнях есть этот флер дорожной закрытой школы, но Джонно кажется проще — никакого тебе вычурного выговора.

— «Тревельян», — уточняет Феми. — Все было как в той книге, где кучка мальчишек осталась на острове, а потом все друг друга поубивали, боже, как же она называется?..

— «Повелитель мух», — подсказывает Чарли с едва заметной ноткой превосходства. *Я, может, и ходил в обычную школу, но начитан получше вас.*

— Все было не так уж плохо, — быстро вмешивается Уилл. — Скорее просто... взбесившиеся парни.

— Мужиков не изменить! — поддакивает Дункан. — Я прав, Джонно?

— Да. Мужиков не изменить, — эхом отдается Джонно.

— И с тех пор мы так и общаемся, — заканчивает Уилл и хлопает Джонно по спине. — Джонно разъезжал по Англии на своем драндулете, пока я учился в универе в Эдинбурге, да, Джонно?

— Да, — отвечает шафер. — Зато я вытаскивал его лазить по горам. Чтобы не размяк там. И не спал со всеми подряд. — Он поворачивается и с издевательским раскаянием в голосе говорит: — Прости, Джулс.

Та лишь вскидывает голову.

— А кто из наших знакомых учился в Эдинбурге, Хан? — спрашивает Чарли. Я замираю. Каким образом он мог забыть, кто? А потом я вижу, как на его лице отражается ужас, когда он осознает свой промах.

— Вы там кого-то знаете? — интересуется Уилл. — Кого?

— Она недолго там училась, — быстро отвечаю я. — Кстати, Уилл, я все хотела спросить. В той серии «До-

жить до утра», когда ты был в арктической тундре, насколько там было холодно? Ты правда чуть не отморозил руку?

— Ага, — подтверждает Уилл. — Я ничего не чувствовал подушечками этих пальцев, — он протягивает ко мне руку. — С парочки даже исчезли отпечатки.

Я щурюсь. Лично я не вижу никакой разницы. И все же ловлю себя на том, что говорю:

— Да, кажется, вижу. Ничего себе.

Я говорю как чокнутая фанатка.

Ко мне поворачивается Чарли.

— А я и не знал, что ты видела это шоу, — говорит он. — Когда ты его смотрела? Уж точно не со мной.

Уис. Я вспоминаю те дни, когда мы с ребятами сидели на кухне и смотрели шоу Уилла на моем айпаде, пока я разогревала им ужин. Чарли смотрит на Уилла.

— Не обижайся, приятель, я правда все собираюсь посмотреть, — по тому, как он это говорит, сразу понятно, что это неправда. Он даже не пытается звучать искренне.

— Все нормально, — мягко отмахивается Уилл.

— Ну... — протягиваю, — я целиком-то его и не смотрела. Так... просто отрывки.

— Что-то мне кажется, дамочка слишком сильно отнекивается, — говорит Питер и хватается Уилла за плечо, ухмыляясь. — Уилл, у тебя тут фанатка!

Уилл легко отшучивается. Но я чувствую, как краснею до самой шеи. Надеюсь, тут слишком темно, чтобы кто-то заметил мой румянец.

Вот черт. Нужно еще выпить. Я поднимаю бокал и допиваю все оставшееся.

— Ну, хотя бы жена у тебя умеет веселиться, — обращается Дункан к Чарли. Феми наливает мне почти полный бокал.

— Ой, — замечаю я, когда жидкость касается краев. — Это очень много.

Внезапно раздается громкое «бульк», и что-то брызжет мне на запястье. Я с удивлением замечаю, что в мой бокал что-то упало.

— Что это было? — растерянно спрашиваю я.

— Смотри, — говорит Дункан, ухмыляясь. — Я бросил монетку. Теперь придется все выпить.

Я смотрю на него, потом на свой бокал. И правда, на дне моего полного бокала лежит маленькая медная монетка с суровым профилем королевы.

— Дункан! — журит его Джорджина, хихикая. — Какой *ужас!*

Кажется, мне не кидали монетку в бокал с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать. Внезапно все смотрят на меня. Я смотрю на Чарли, ожидая поддержки, заверения, что мне не придется это пить. Но выражение его лица до странности напоминает мольбу. Именно такой взгляд периодически бросает на меня Бен: *«Пожалуйста, мам, не позорь меня перед друзьями».*

«Какая глупость», — думаю я. Мне не обязательно это пить. Мне тридцать четыре года. Я даже не знаю этих людей, они не имеют надо мной никакой власти. Меня нельзя заставить...

— Пей...

— Пей!

Боже, они начали повторять хором.

— Спаси королеву!

— Она утонет!

— *Пей! Пей! Пей!*